

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й № 17 (4142)

Вторник, 9 февраля 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

НОВЫЕ ЗАДАЧИ — НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС И СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР О МЕРАХ УЛУЧШЕНИЯ КАЧЕСТВА ДИССЕРТАЦИОННЫХ РАБОТ И ПОРЯДКЕ ПРИСУЖДЕНИЯ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ И ЗВАНИЙ

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах улучшения качества диссертационных работ и порядке присуждения ученых степеней и званий».

Успешное выполнение задач развернутого строительства коммунистического общества в нашей стране требует повышения роли научных учреждений и высших учебных заведений в решении проблем, связанных с дальнейшим развитием производственных сил и культуры.

Семилетним планом развития народного хозяйства СССР предусматривается создание самых благоприятных условий для еще более быстрого развития всех отраслей науки.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР отметили, что для выполнения задач, поставленных перед работниками науки, необходимо устранить серьезные недостатки в подготовке и аттестации научно-педагогических кадров.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР обязали советы высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений, президиумы академий наук и высшую аттестационную комиссию повысить требования при аттестации научных и педагогических работников.

Установлено, что на диссертации по прикладным специальностям перед защитой должен быть представлен совет вуза и научно-исследовательского учреждения, помимо отзывов официальных оппонентов, отзыв передового предприятия, характер производства которого соответствует теме диссертации.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР обратили внимание советов высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений на то, что темы кандидатских и докторских диссертаций должны отвечать задачам современного развития науки и практики, запросам промышленности, сельского хозяйства и культуры нашей страны.

Высшей аттестационной комиссией предоставлено право разрешать советам высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений принимать к защите на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук наравне с диссертациями опубликованные работы, обогащенные науку и технику новыми решениями, открытиями, а также наиболее крупные изобретения, имеющие большое народнохозяйственное значение.

Советам высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений предложено принимать к защите кандидатские диссертации не ранее чем через три месяца, а докторские диссертации не ранее чем через четыре месяца после опубликования работ по темам диссертаций или самих диссертаций.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР отметили, что публичная защита кандидатских и докторских диссертаций должна проводиться в форме публичных лекций, семинаров, симпозиумов, конференций, круглых столов, диспутов, дебатов и других форм.

кандидатских и докторских диссертаций осуществляется, как правило, не по месту работы соискателей и аспирантов, а в другом высшем учебном заведении или научно-исследовательском учреждении.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР обязали советы высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений повысить требования к диссертационным работам по гуманитарным наукам, подчеркнув при этом, что диссертация по общественным наукам должна в первую очередь обобщать опыт борьбы партии и народа за победу коммунизма и творчески разрабатывать коренные проблемы современности.

В целях более глубокой и всесторонней оценки научно-теоретического и практического значения выполненных работ при присуждении ученых степеней и званий в составе высшей аттестационной комиссии созданы секции по разделам наук.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР предоставили право высшей аттестационной комиссии по представлению советов вузов и научно-исследовательских учреждений лишать научно-педагогических работников ученых степеней и званий в тех случаях, когда будет установлено, что они присвоены ошибочно лицам, работы которых не имеют ценности для науки и производства.

Президиуму высшей аттестационной комиссии предложено пересматривать состав экспертных комиссий, с обновлением его ежегодно на одну треть; к работе экспертных комиссий широко привлекать ученых и высококвалифицированных специалистов с производства.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР отметили, что в современный период развернутого строительства коммунистического общества в нашей стране важнейшей задачей научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений является проведение научных исследований, имеющих первостепенное значение для развития теории и практики, обеспечивающих научно-технический прогресс, творческое обогащение опыта хозяйственного и культурного строительства.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР обязали советы высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений, президиумы академий наук и высшую аттестационную комиссию повысить требования при аттестации научных и педагогических работников.

А. МАКАРОВ Проза Твардовского

Ах, как трудно устоять перед искушением поставить над этой статьей заглавие «Проза поэта!» Было бы и менее сухо, и, главное, верно. К сожалению, истинный смысл этого сочетания слов для читателя утерян.

Здесь каждое слово продиктовано смыслом изображаемого, и потому вся трагическая картина становится видимой как бы наяву и эмоционально заразительной до боли в сердце.

Жизнь писательских организаций

1. НЕДЕЛЯ БРАТСКИХ ЛИТЕРАТУР

Несколько дней назад в правление Союза писателей Таджикистана пришло письмо из Ашхабада, подписанное Б. Кербасовым. В письме говорится: «Президиум правления СП Туркмении горячо поддерживает ваше намерение провести в братском Таджикистане неделю литературы нашей республики».

Читатели «Литературной газеты» уже знают об интересном начинании писателей ряда республик по укреплению творческих связей, деловой дружбы братских литератур. В конце минувшего года дорогими гостями таджикских литераторов были их узбекские коллеги.

Каждой из этих недель намечается приурочить выпуск небольшого сборника, знакомого читателям Таджикистана с литературой той или иной республики.

2. ЭКРАНИЗАЦИЯ ПОЭМЫ О ЛЕНИНЕ

Поэт Даврон приехал в своей родной кишлак, живописно раскинувшийся в горах Памира. Маленькие обитатели сегодняшнего кишлака — юные пионеры — внимательно слушают влюбленного рассказ своего поэта.

Мог ли Ленин осиротеть Миллионы на всей земле!

Но бессмертные ленинские идеи, словно волевым горным ветром, проникли во все уголки страны, все осветили своим немеркнущим светом. Они вывели на путь новой жизни миллионы людей, в том числе и памирских батраков.

3. УТРО СЕМИЛЕТКИ

На полках книжных магазинов республики недавно появилась книга «Утро семилетки». Над созданием этого сборника, рассказывающего о вкладе рабочих, крестьян, интеллигенции Таджикистана во всенародную борьбу за успешное выполнение семилетнего плана, трудились десятки прозаиков, поэтов, журналистов и художников.

Отрадно, что эту книгу авторский коллектив сумел очень быстро, оперативно подготовить, и читатель смог познаться с ней уже в последние дни первого года семилетки. Книга вышла одновременно на русском и таджикском языках.

4. СТО ТЫСЯЧ СТРОК

Мухиддин Амин-заде — один из самых популярных в Таджикистане поэтов. Его песни, нивы из которых больше двух десятков лет, до сих пор оживляют празднества, пользуются симпатией у влюбленных. Его сатира всегда злободневна и метка.

Их можно встретить на любом пред-приятии, в любом цехе. Нет, наверное, сейчас такого производства, куда бы не пришли выпускники школ. Здесь они держат новый экзамен, здесь будет решаться, выйдут ли из вчерашнего десяти-классника специалист или нет.

Фото К. Толстинова

5. ЗРИТЕЛЬ АПЛОДИРУЕТ ПОЭТАМ

В этот не по-зимнему теплый вечер на сцене Театра оперы и балета имени С. Айни поднялся за полтора часа до начала спектакля. Со сцены звучали не оперные арии, а взволнованные строки стихотворений и поэм. Сотни зрителей, наполнивших зал, горячо аплодировали и русским, и таджикским мастерам поэзии.

Вечере поэзии в Сталинабаде принимал участие: Алексей Суриков, Александр Яшин, поэты Таджикистана М. Амин-заде, М. Миршариф, Ф. Ансори, В. Кирилов, М. Фоханова.

Я. ОСТРОВСКИЙ г.р. СТАЛИНАБАД (Наш спецкор)

ЭТО ПРИЗВАНИЕ

Минувшей весной я пришла в Тульский педагогический институт, как раз когда там шло распределение очередного выпуска будущих учителей. Из аудитории, где заседала комиссия, мне навстречу вышла небольшая рыжеватая девушка, вздернутый носик, усеянный веснушками, выпуклый детский лоб в розинках пота от волнения и — полная растерянность на круглом открытом лице.

«Я волжанка»

Якутское лето наверстывало все, что могло. Солнце не уходило за горизонт, и ночи, похожие на день, не давали уснуть. Тайга, подулывавшая легкой изумрудной дымкой молодой хвои, вся в хорошах солнечных блинков, порожала своей красотой. Повсюду буйно цвели цветы — хохлатые «петушки», шиповник, боярышник, вереск, ромашки и еще какие-то похожие на розовый ландыш.

Мы ехали на грузовике. Мои мои попутчиками были: директор лесхоза, дорожный мастер, несколько колхозниц и молоденькая, лет восемнадцать, девушка.

Не каждая строка в книге столь же безупречна, как это отрывок. Вначале писатель еще не прочь цитировать обветшавшим словом, вроде «старец», придающим портрету простого старика некую умилительный оттенок. Но чем дальше читаешь, тем меньше языковых синтетичностей, тем увереннее умение писателя использовать гибкость языка и разнообразие интонаций для воссоздания и картин войны, и мужественной красоты албанского пейзажа, и лирической динамики души, звуков, красок, запахов жизни.

Здесь каждая строка в книге столь же безупречна, как это отрывок. Вначале писатель еще не прочь цитировать обветшавшим словом, вроде «старец», придающим портрету простого старика некую умилительный оттенок. Но чем дальше читаешь, тем меньше языковых синтетичностей, тем увереннее умение писателя использовать гибкость языка и разнообразие интонаций для воссоздания и картин войны, и мужественной красоты албанского пейзажа, и лирической динамики души, звуков, красок, запахов жизни.

А. БАЖАНОВА
дцати девушка, голубоглазая и белокурая. Грузовик мчал нас по старой таежной дороге. А чуть правее, сквозь сосны и лиственницы просвечивала новая — широкая и гладкая, могучей стальной прорезая тайгу. Дорога еще не была закончена: то тут, то там виднелись работающие дорожные машины.

Якутия — край контрастов, и в этом есть необыкновенная прелесть. Прелесть была и эта песня, контрастировавшая с нашим «Язтом», с летящим в небо самолетом, с огромными дорожными машинами — созданием человеческой мысли XX века...

Я очень удивилась, что она говорит по-якутски. И тут же воспользовалась этим — попросила ее перевести мне слова песни.

«Вот сейчас он поет про евражку, что стоит — он, видите? — у дороги, так забавно поднимая носик», — объяснила мне девушка. — Он утешает его, чтобы маленький суслик не боялся огромной птицы-бар, которая летит там в небе, пуская дым из ноздрей. Эта птица-бар, говорится в песне, вовсе не чудовище, которого боялся дедушка этого суслика и его дедушка тоже (девушка показала кивком головы на директора лесхоза). Она добрая, хорошая, эта птица, потому что может посадить маленького евражку в мягкое кресло и унести его вслед за солнцем прямо в чудотворный город Москву.

«Вот и сейчас он поет про евражку, что стоит — он, видите? — у дороги, так забавно поднимая носик», — объяснила мне девушка. — Он утешает его, чтобы маленький суслик не боялся огромной птицы-бар, которая летит там в небе, пуская дым из ноздрей. Эта птица-бар, говорится в песне, вовсе не чудовище, которого боялся дедушка этого суслика и его дедушка тоже (девушка показала кивком головы на директора лесхоза). Она добрая, хорошая, эта птица, потому что может посадить маленького евражку в мягкое кресло и унести его вслед за солнцем прямо в чудотворный город Москву.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ЖУРНАЛИСТА

теперь уже нет в этом такой острой нужды, как в первую зиму, потому что кое-что они уже знают по-якутски и могут разговаривать с окружающими людьми. А первые якутские слова они узнали от своих же маленьких учеников, которые в свою очередь узнали от них первые русские. И незаметно для себя девушки привыкли к жизни якутов, начали жить их интересами, крепко привязались к ласковым, любящим их ребяташкам.

«Совсем похожи», — заключала она убежденно. — Моя дочка придет, — сестра будет...

И у Люси, Людмилы Ивановны, забравшейся так далеко от родной Владимирщины, теплоело от этого на сердце...

Борис Федорович делает открытие

Из кабинета директора школы Борис Федорович вышел раздосадованный. До каких пор это будет продолжаться? Он учитель физики, одной из главных школьных дисциплин, так почему же нельзя изобрести от каких-то губернских обязанностей? Пусть экскурсия занимается классный руководитель, и вообще, старшесеклассники — это не начальная школа, пора бы уж, кажется, перестать водить их за ручку.

Борис Федорович невозмутимо попустил их вперед, укоризненно посмотрел на меня, степенно спустился в гардероб, надел пальто и шляпу и пошел домой. У него был вид человека, стремящегося охранить свою независимость.

«Вот и подите, переставшайте с такими педагогами школу», — сокращенно произнес директор. — И ведь не понимает, не хочет понять, что все его беды — отсюда. Посмотрите, как у него уроки проходят...

«Вот и сейчас он поет про евражку, что стоит — он, видите? — у дороги, так забавно поднимая носик», — объяснила мне девушка. — Он утешает его, чтобы маленький суслик не боялся огромной птицы-бар, которая летит там в небе, пуская дым из ноздрей. Эта птица-бар, говорится в песне, вовсе не чудовище, которого боялся дедушка этого суслика и его дедушка тоже (девушка показала кивком головы на директора лесхоза). Она добрая, хорошая, эта птица, потому что может посадить маленького евражку в мягкое кресло и унести его вслед за солнцем прямо в чудотворный город Москву.

«Вот и сейчас он поет про евражку, что стоит — он, видите? — у дороги, так забавно поднимая носик», — объяснила мне девушка. — Он утешает его, чтобы маленький суслик не боялся огромной птицы-бар, которая летит там в небе, пуская дым из ноздрей. Эта птица-бар, говорится в песне, вовсе не чудовище, которого боялся дедушка этого суслика и его дедушка тоже (девушка показала кивком головы на директора лесхоза). Она добрая, хорошая, эта птица, потому что может посадить маленького евражку в мягкое кресло и унести его вслед за солнцем прямо в чудотворный город Москву.

ЭТО ПРИЗВАНИЕ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Оспаривать-то не оспаривал, но и не воодушевлялся, как мне бы этого хотелось. Он сразу начал говорить о том, что я вижу одну только дальнюю цель, тогда как гораздо важнее сейчас видеть ближнюю... Я не соглашался с ним, и у меня начала складываться репутация консервативного зануды. Это усугублялось тем, что я никак не находил средств заставить авторитет у своих учеников. Учителем я тогда всего второй год, из института принес весьма абстрактные представления о том, как надо вести себя со школьниками, а во мне самом, видно, не было таких качеств, чтобы заставить класс слушаться. И получалось, что вся моя убежденность в высоком назначении школьных наук пролетала впустую. Сорванцы мои жили на уроках физики своей жизнью, а я — своей...

Я невольно улыбнулась, вспоминая гудящий, как улей, класс и невозмутимость молодого учителя, чуть не сбившего с ног толпой веселых восьмиклассников. Наверное, и Борис Федорович вспомнил нашу встречу у двери класса. Он засмеялся и сказал:

— А ведь я тогда все ждал, что появится ваша корреспонденция, что-нибудь вроде: «Учитель, отстающий от жизни». Или: «Во власти собственных учеников»... Признаться, я побоялся этого.

Борис Федорович раскрыл передо мной папку и стал перечислять учебные тетради, аккуратно исписанные отчетливыми, подчас еще круглыми почерком. Рукописи перемежались многострочными схемами, формулами, чертежами. Это были своеобразные маленькие диссертации, основой для которых послужили различные наблюдения школьников, сделанные ими, как видно, на заводе, во время производственной практики и подтверждающие тот или иной закон физики. Кое-где на полях тетрадок встречались пометки учителя, и тогда Борис Федорович медлил перевернуть страничку. «Обратите внимание на логику мысли!», — пояснял он. Или: «Эта девочка просто талантлива! Посмотрите, как смелы ее выводы. Не удивлюсь, если она станет последствием настоящим учеником». Или: «Вот эта работа вызвала у нас в классе ужасный спор. Парнишке пришлось при всех снова проделать лабораторные опыты. Прополет целый вечер, но

отстоял свою точку зрения с честью»... Было видно, что Борис Федорович от души радуется, представляя мне таким образом своих учеников.

— Жизнь убедила меня. Труд вошел в школу, и я почувствовал себя буквально Архимедом! Да, я получил точку опоры, которая давала мне возможность завладеть сердцами своих учеников. Передо мной теперь сидела не безликая масса школьников, как мне казалось раньше, довольно плохо приспособленных к восприятию науки-физики, а совершенно конкретные Оли, Саша, Петя, Володя. Столкнувшись с воплощением законов физики в разнообразных производственных процессах, каждый из них воспринял это по-своему, у каждого оказалось свое «как» и «почему» и даже какие-то свои собственные соображения и умозаключения, чего я, признаться, никак от них не ожидал.

Словом, ушли мы с завода ными, чем пришли. Я испытывал такое чувство, как будто между мной и учениками что-то исчезло. А может быть, наоборот, — появилось!

А главное, я теперь знал, что они ужасно любознательны, умеют думать и любят мечтать. А так как я и сам любитель почитать, то мы теперь охотно это делаем вместе...

Я слушала Бориса Федоровича и удивлялась тому, какое разное может быть в одном человеке. Тогда, в нашу первую встречу, он показался мне самоуверенным и отчужденным от общих волнений за школу. Раздражала в нем какая-то безапелляционность, надменность. Именно так я и характеризовала его, если бы дописала свою корреспонденцию в те дни: И — ошиблась бы. Просто человек был очень молод и неопытен и чувствовал себя от этого таким незащищенным, что присвоил себе черты вовсе ему не свойственные... Но и он нашел свой путь к подлинному творчеству.

Слышала я, что в некоторых странах существует такой обычай: школьники начинают свой каждый день своеобразным гимном.

— Благодарю труд учителя, — хором говорят они, — благодарнейший из всех трудов.

И это — справедливо!

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ГЕОГРАФИЯ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ»

Отвечают министр культуры Украинской ССР и управляющий Всесоюзным объединением книжной торговли

В союзных республиках издаются немало литературы на национальных языках. Однако украинцу, живущему в Казахстане, или армянину, поселившемуся на Урале, трудно достать книгу на их родном языке. Об этом говорилось в заметке писателя А. Хоружего «География книжной торговли» («Литературная газета», № 141 за прошлый год).

Министерство культуры Украинской ССР, — сообщил нам министр Р. Бабинчук, — полностью поддерживает выступление газеты. Опыт работы магазина украинской книги в Москве, многочисленные письма, поступающие со всех концов страны в книжный магазин «Книга-почтой», свидетельствуют о большом спросе на украинскую литературу. Однако продажа украинских изданий за пределами республики не удовлетворяет возрастающего спроса покупателей.

Министерство культуры УССР обратилось в министерство культуры всех союзных республик с просьбой организовать постоянную продажу украинских изданий через местную книжоторговую сеть, а при необходимости — открыть отделы или магазины украинской литературы.

В редакцию поступил также ответ управляющего Всесоюзным объединением книжной торговли Т. Барашкова.

«Союзкнига», говорится в ответе, принимает меры для улучшения распространения литературы народов СССР: выпускается специальный бюллетень «Книги республиканских издательств», который поступает в книжоторговую сеть, периодический организуется межреспубликанские книжные ярмарки и «месячники книги» (например, в 1959 г. в Армении был проведен «месячник» азербайджанской книги, а в этом году в Азербайджане состоится «месячник» армянской книги), созданы специализированные магазины и отделы национальной книги в Киеве, Куйбышеве, Ташкенте, Баку, открыт киоск украинской книги в Караганде.

Однако, признает тов. Барашков, в обмене литературой между республиками есть недостатки, не все вопросы еще изучены и решены. «Союзкнига» будет всемерно развивать и совершенствовать это полезное и нужное дело.

Хотелось бы напомнить, что в заметке «География книжной торговли» говорилось и о распространении в стране национальных периодических изданий, таких, например, как украинский сатирический журнал «Перец». Здесь слово за Министерством связи СССР.

Идет сталь второго года семилетки. Знатный сталевар завода «Электросталь» бригадир Петр Гурев (справа) и его подручный берут пробу металла.

Фото А. Стефанова

ПРОПТИ сейчас по Мухомовичам — точно взглянуть в расстроенный улей. Село небольшое, любой дом на виду. Случись пустяковое дело и кто каждый узнает. У крыльца, у изгороди, особенно на ферме, — разговоры, разговоры...

Все вскрылось внезапно. Приехала из Ярцева в колхоз зоотехник Морозова, проверила работу доярки Нади Шабановой — и вот: слава оказалась сшитой белыми нитками.

Я сижу в теплой непривибрированной избе Шабановых. Зареванная Надя третий час не выходит из угла. Глаза распухли, покраснели. На короткий миг девушка стихает, и в избе виснет тяжелая, гнетущая тишина. Тогда слышно, как сопит мальчишка (сын Надииного брата), тихонько торМОшит за подол бабушки, тянет:

— Бабуня, Надя заболела?

Новый приступ плача нарушает тишину. А мать, пожившая, с широким добрым лицом колхозница, перестала утешать дочь, смотрит в окно сухими глазами. Затем поворачивается, говорит с затанной болью:

— Зачем они раздули это кадило? Человека с пути согнали. Я же знаю дочку, — колхоз любит и со скотиной умеет обращаться.

Замолчи, мама! — вскрикивает в углу Надя.

Мало-помалу, по крайней мере внешне, Надя успокаивается, но из угла не выходит: сидит и смотрит в одну полуву.

Часы золотые девочке послышались, — ожесточенно говорит не вступающая со снх пор в разговор невестка Шабановых, худая женщина, покаяная на подростка. — Обязательно, говорит, тебя правление наградит.

— Молчите все, ненавижу! — снова вскрикивает успокоившаяся было Надя и торопливо отшатывается от окна; по проулку не спеша идут к скотному двору доярки на вечернюю дойку.

И опять тихо в избе. Осторожно, боясь что-нибудь задеть, ходит мать, прихитил ребятини.

А было так. Председатель колхоза имени Сталина Космылев вызвал в правление зоотехника Трофимова. В кабинет, пона сл разговор, никого не впускали. Поговорили за закрытой дверью. Из кабинета Трофимова вышла нахмуренная, направилась прямо на ферму. Через несколько дней началась Надина слава. Изо дня в день увеличивалась она надой молока от закреленных за ней коров, и вскоре далеко осталась позади лучшая доярка колхоза Юленкова. Все ее по-другому дину дались. Но когда доярки попробовали своими глазами увидеть, как сливает молоко Шабанова, Трофимова горючила: «Знайте свое, а в чужие дела нечего соваться».

Цифра надоев стала переваливать за три тысячи литров, подошла к четырем.

А ему тревожно!

Из Смоленска на автобусе, на такси и просто на попутных тынулся корреспондент газет. Брали «материал», фотографировали, а она, забывшись в уголком, боязливо, неуверенно рассказывала о своей работе.

Подошли выборы в местные Советы. Как лучшим доярку, выдвинули кандидатом в депутаты районного Совета Надю Шабанову, а затем избрали ее.

И все вроде стало на место, пошел улеглись разговоры на селе: что ж, была Шабанова на последнем месте, стала на первом, — разве в жизни так не бывает? Бывает.

И вдруг — зоотехник из райцентра. И сразу точно сдернули завесу непонятного, — потекли до поздней ночи разговоры, пересуды: что-то намудрили председателю в пару с зоотехником колхоза, да и «сама Шабанова, мол, хороша, зачем молчала?»

А ей, Наде Шабановой, было трудно. Первое время, как ни с того, ни с сего свалилась на голову слава, вроде поверила и сама в нее... Но доярки, а они каждый день — рядом, стали вытискивать, как такого доблестца... И однажды в слезах Надя прибежала в правление, крикнула возле порога:

— Космылев встал за столом — твердый, кристальный, как камень! — Ты чего ревешь?.. Бузотергов испугалась? Ты меня слушай!..

И уговорил.

— Теперь дотемна Надя не выйдет из избы. Только в сумерки осторожно, заворками пройдет к шоссе и сядет на автобус: уедет в Починок, где оформилась на льнокомбинат. Если кто-то из деревенских встретит ее на проулке, она свернет, переждет: боится встречи со своими сельчанками.

Часом позже я сижу в пустом неуютном клубе, прямо на сцене, за неурашенным столом — это единственное место, где можно без постороннего глаза поговорить с председателем.

Благожелательная улыбка сразу сходила с лица Космылева, едва только упоминаю имя Нади Шабановой.

— Все наупала зоотехник, ничего не знаю, — взмахивает он короткой рукой. Исподлобу, по-хозяйски прищурил глаза, председатель смотрит в окно, и на короткий миг взгляд делается деловитым, озобоченным. Это на короткий миг, — через минуту возвращается прежнее выражение, и Космылев петляет из стороны в сторону, заматает следы... В чем же дело?

Не так давно, лет восемь назад, в трудную пору, когда колхозы Смоленщины никак не выходили из нужды, Космылев, хлебобор по душе и любящий землю, жадно, энергично ввалил

на свои плечи расстроенное хозяйство. Сразу выдвинулось строительство и общественных помещений, и личных домов колхозников. Уборили поля, и мало кто знал, каких трудов стоило председателю доставать удобрения в райцентр. Но только он добился своего, и быстро поднялся, улучшились урожаи. Колхоз окреп, и нужда отодвинулась в прошлое. Труднее дошло до невиданной ранее цифры — пяти килограммов только одним хлебом. А тут подоспело и авансирование рублем. Колхозники вспоминают: ходил в те годы Космылев с какой-то распахнутой душой, понимал каждого с полуслова и даже лодыри, чувствуя его крепкую руку, не осмеливались сказать худого о председателе.

О Космылеве заговорили сперва в районе, потом в областном центре. Поехали к нему изучать опыт из других районов.

Но вот сначала редко, а потом все чаще начали поступать жалобы на Космылева. Работники районных организаций недоумевали, не верили. И те, кто трудился рука об руку с председателем, тоже с удивлением увидели, как на глазах менялся человек. Раньше он мог спорить, доказывать и бывало, брал назад слова. Теперь Космылев признавался Упорно стоял на своем. С ним стало трудно работать, и новые слова, никем раньше не замечаемые, появились в его лексиконе: «сам знаю».

Труднее всего пришлось колхозной молодежи. Хороший, просторный клуб стоит в Мухомовичах. Была там раньше самодеятельность, и в свое время Космылев положил немало труда на ее организацию. А теперь Космылев досадливо отмахивался, когда заходила об этом речь: «Мне надо сеять хлеб, а не ерундой заниматься». С меня план спрашивают, а не танцуйки».

Все чаще ребята, пытавшиеся спорить с Космылевым, слышали: «Сперва с мое поработайте, попотейте в хомуте, как я, тогда будете указывать».

Не раз заговаривали в колхозе, что пора уже продвигать молодых к руководству бригадами. И оплыть стена: нечего меня учить, сам знаю... Ребята потянулись в город, на стройки.

То, что было завоевано с огромным трудом — высокий урожай, а в него был вложен немалый труд самого Космылева, — пошло на спад. В колхозе приехала на работу агроном Надя Кулешова. Она увидела: с тектара берут всего три центнера, а три года назад, это Надя узнала из старых отчетов, намолачивали гораздо больше.

Сказала председателю. И снова в

НА ЗАВОДЕ, В КЛУБЕ, В МУЗЕЕ

Еще в дни «всероссийского съезда поэтов» завязалась дружба между индустриальными поэтами и молодыми рабочими Металлического завода, слушателями университета культуры. Недавно друзья встретились снова — на этом Алмашском зале Дома писателя имени В. В. Маяковского.

Ирвинг З. Штейнман рассказал молодым производственникам о творчестве поэтов Ленинграда, о роли литературы в эстетическом воспитании молодежи. Затем с чтением стихов выступил поэт Алмашник В. Азаров, Л. Гаврилов, Б. Кемун. Свои стихи прочли также заводские поэты.

Такие вечера решено проводить систематически.

«Борьба за человека» (о проблеме перевоспитания правонарушителей) — так была обозначена на приглашенных билетах тема другого вечера, состоявшегося в писательском клубе.

На вечере выступили: начальник управления ленинградской милиции Герой Советского Союза И. Соловьев, секретарь обкома комсомола Р. Милонов, прокурор города И. Ципин, председатель городского суда С. Соловьев, адвокаты Я. Киселев, Г. Шафир и другие.

Литературоведы более двадцати городов Советского Союза собрались в музей-квартиру великого русского поэта на традиционную Всесоюзную Некрасовскую конференцию.

В двадцати двух докладах были рассмотрены различные вопросы творчества Некрасова.

ЛЕНИНГРАД (по телефону).

правления люди услышали энергично брошенную фразу Космылева: «Сам знаю!» Агроном Кулешова покончила колхоз. Космылев не вышел попрощаться: сидел в правлении, угнетившись в бумагах.

«Космылев грубо, бесцеремненно разгонел молодых», — это ему сказали в райком партии и вынесли выговор. А он, вернувшись, до глубокой ночи мерила шагами правленческую комнату. Нет, не так он воспринял критику, как в былые годы. Теперь в его душе зашевелилась обида: разве он не работал, не гнул спину? Сколько тут — в поле, на ферме, в каждой постройке, в каждом заборе — его трудов! Значит, до этого никому нет дела? Жизнь, выходит, все списывает. Нет, он еще покажет, что Космылев не выдохся. Он покажет, как нужно молодежь поднимать...

Но с кого начинать? Всех доярков знал наперечет, но возраст их никак не подходил. И вдруг осенило: а что, если Надю Шабанову? Девочка семнадцатидесяти лет, да и с виду шустрей. Т.э, что на последнем месте, — не беда. Космылев из нее свою героиню социалистического труда вырастит! Пусть тогда скажут, что Космылев не растит кадры.

Он тут же вызвал в правление заведующего фермой Горелова:

— Надо бы Наде Шабановой помочь. Ты ей так для подъема настроения диторосем в день добавь...

Горелов отказался. А через пять минут Космылев развил свои мысли зоотехнику Трофимову:

— Об этом никто не узнает, в конце концов, и девочка впрямь дойдет до героини. Тогда слава и тебе, и всему колхозу.

Трофимова молчала. Глядела в пол. Ей бы надо отказаться, запротестовать, Она не смогла. Молча ушла, молча приписала надю Шабановой. А когда раскрылась неадекватное это дело, так же молча уехала из колхоза.

И на этот раз все будто обошлось. Правда, теперь нет в колхозе зоотехника, нет агронома. Нет техника-строителя. Ушло много молодежи. Теперь его не тревожат. А ему тревожно...

Вот, сутулится, проходит Космылев по селу. Из каждого окна его провожают равнодушные глаза. Сухо кивнет встречной головой и проходит дальше. Он всеми средствами пытается удержать былую славу, но о нем уже говорят как о чем-то прошедшем. А ведь он совсем еще не старей — только миновал пятый десяток. И нет большего наказания, чем это всеобщее осуждение.

Но Космылев упрямо цепляется за прошлое, не хочет понять, что нельзя ему быть руководителем, коли пошел он на оккупаторство и потерял дорогу к людским сердцам.

Л. КОРНУШИН

Колхоз имени Сталина Ярвского района Смоленской области

ГИПОТЕЗЫ!

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

ДОГАДКИ

Следы ведут... В КОСМОС?

ТЕПЕРЬ, после великих достижений советской науки, открывшей человеку путь в космос, уже никто не сомневается в возможности полета человека в дальний мир.

Достигнутые за последние годы колоссальные успехи науки и техники неизмеримо увеличили власть человека над природой. Вместе с этим они открыли широкий простор научным фантастам, позволили еще смелее ставить проблемы, связанные с будущим, и выдвигать предположения, касающиеся прошлого нашей планеты.

С увлекательными гипотезами выступают не только литераторы, работающие в научно-фантастическом жанре, но и сами ученые.

Читателям «Литературной газеты» будет, вероятно, не безинтересно познакомиться с одной из таких гипотез, которая стоит на грани между смелой догадкой ученого и научной фантастикой.

сравненно «старше» тектитов и к тому же равномерно рассеяны по поверхности планеты.

Было предпринято много попыток объяснить природу этих загадочных образований. Одни ученые приписывают им межзвездное происхождение. Другие считают, что тектиты образовались при столкновении Земли с головкой кометы. Третьи предполагают, что громадный метеорит столкнулся с Луной и куски Луны, так скажутся, рикошетом попали к нам. Ни одна из этих попыток не привела, однако, к объяснению многих особенностей тектитов, и в частности их концентрации на отдельных участках поверхности Земли.

А не могло ли быть так? — спрашивает автор гипотезы. — Гигантский корабль из далеких областей космоса приблизился к Земле. В межзвездном пространстве он двигался со скоростью, близкой к скорости света, но на расстоянии около 40 тысяч километров от Земли убавил скорость до 3 километров в секунду и, выключив двигатели, пошел над нашей планетой как искусственный спутник с периодом обращения, равным одним суткам. Такое положение позволяло кораблю не тратить энергии двигателей и продолжать долгое время находиться над одним и тем же районом земного шара. С этой позиции космонавты исследовали атмосферу и поверхность Земли при помощи специальных снарядов — зондов и после выбора подходящего места для посадки спустились на Землю.

Не являются ли тектиты следами падения на Землю снарядов-зондов?

Баальбекская веранда. Среди сооружений, воздвигнутых в глубокой древности, одним из самых загадочных считается Баальбекская веранда — расположенная в горах Антиливанна площадка из колоссальных каменных

плит. «Тысячелетия стоит он, удивляя и восхищая путешественников», — писал о Баальбеке Марк Твен. Самая большая плита имеет длину более двадцати метров и весит не менее двух миллионов килограммов.

Даже в наше время постройка подобного сооружения представляла бы исключительные трудности, потребовав создания специальных сверхмощных подъемных и транспортных механизмов.

Никто еще не дал точного ответа на вопрос: когда, как и с какой целью было воздвигнуто это невиданное сооружение?

А не могло ли быть так? — Для того, чтобы с Земли, как с базы, совершать полеты на другие планеты Солнечной системы, а также на основной корабль, который мог оставаться искусственным спутником Земли, космонавтам пришлось построить ракетодомы и другие специальные сооружения.

Не является ли Баальбекская веранда остатком одной из воздвигнутых космонавтами стартовых площадок или сооружений, построенных ими в память пребывания на Земле? Между прочим, она расположена сравнительно недалеко от Ливийской пустыни...

Свитки Мертвого моря. Весной 1947 года бедуйн Мухаммед Диб в поисках пропавшей овцы забрал в пещеру Айн Фешха близ Мертвого моря. Он нашел там множество глиняных осколков и несколько целых кувшинов. В кувшинах оказались рулоны из кожи, испещренные непонятными письменами...

С тех пор археологи раскопали в этом районе богатейшие клады древних рукописей, получивших название «Свитков Мертвого моря».

История давно уже установила, что древние палящие письменности, описанные от религиозных и сказочных наслений, могут содержать ценные сведения о подлинно происходивших в древности событиях. Например, в древнегреческих мифах о Троянской войне, помимо множества вымышленных историй о богах и героях, оказались точные сведения, которые позволили знаменитому археологу Генриху Шлимману спустя почти три тысячелетия обнаружить подлинную Трою. Отзвуки действительно происходивших событий со-

хранились и в преданиях других народов.

«Свитки Мертвого моря» представляют особый интерес, поскольку они найдены в районе, примыкающем к Антиливану.

Среди рукописей, лежавших в глиняных кувшинах, были обнаружены самые древние тексты начальных частей Библии, переписанные более двух тысяч лет назад и представляющие историю еще более древних записей. Известно, что древнееврейские жрецы при составлении Библии внесли в нее самые старинные памятки письменности, сохранившиеся и до наших дней. В легендах, которые содержат первые главы Библии, есть упоминание о существе, являвшемся с неба на Землю, и о людях, взятых с Земли на небо: «Унавиш (с неба) были на Земле в днях тех и даже после того, как приходили Енох с богом и не стало его, ибо взял его бог».

Внимание современного человека, знакомого с открытиями ядерной физики, не может не привлечь и описание гибели городов Содома и Гоморры.

Перед катастрофой, согласно преданию, к местному жителю Лоту пришли посланцы и сказали: «Убегй ради спасения твоего, не гляди назад, не останавляйся на всей равнине этой, во внутрь горы убеги, как бы не захватил тебе». Лот отвечал: «...Я не смею добежать до горы, как бы не пропало меня то зло и не умертвила меня». Далее говорится: «...Вот взял столб дыма земли, как столб дыма из горня... И дождил на Содом и Гоморру серу и огонь... И уничтожил города эти, и всю равнину, и всех жителей городов, и растения земли».

И оглянувшись жена его (Лот) позади него и обратилась в столб соли... И вышел Лот из Цоар (Израильское местечко, где он временно спасался) и поселился в горе... ибо боялся осудить в Цоаре...»

Наложение современного языка, это предание выглядело бы примерно так. Людям рекомендовали покинуть район будущего взрыва, не останавливаясь на открытой местности, не наблюдать за развитием взрыва, укрыться за толстым слоем земли. Происшедший затем взрыв сопровождался образованием характерного столба дыма и поднятой породы, произвел большие разрушения, уничтожил всю растительность и оставшихся на месте людей. Те из убежавших, кто оглянулся, ослепли и погибли. Те, кто спасся во временных укрытиях неподалеку от места взрыва, потом были вынуждены уйти в отдаленные пещеры в соответствии с преданием.

Предания можно, разумеется, толковать по-разному.

Но не могло ли быть и так? — Выдвинувшиеся космонавты, обладая неизмеримо более высокой культурой и мощью, чем тогдашние жители Земли, были приняты ими за богов, — подобно тому, как сотни лет назад были приняты индейцами за богов первые испанцы, появившиеся в Перу. Позднее космонавты покинули Землю, — а вместе с ними улетел «сын Земли». Не взорвался ли перед отлетом гости из космоса излучивший запасенного ими ядерного горючего, заблаговременно предупредив окружающее население, чтобы оно не пострадало от атомного взрыва?

Не эти ли поразившие людей события отразились в преданиях народов, населявших некогда район Мертвого моря?

Преддверные открытия. Давно уже замечено, что некоторые сведения о небесных телах непонятным образом становились известны еще тогда, когда не было инструментов, при помощи которых такие сведения можно получить. К примеру, Джонатан Свифт описал основные особенности спутников Марса за 150 лет до того, как спутники были открыты. Они имеют такую маленькую величину и расположены так близко от планеты, что их можно наблюдать только в сильные телескопы, каких во времена Свифта еще не было.

Подобные «несообразности» так поразили ученых, что они даже выдвинули гипотезу о существовании в древности народа, обладавшего невероятной бо́льшими познаниями в области астрономии. Народ исчез, но некоторые известные ему сведения остались жить в веках. О такой гипотезе, в частности, упоминал еще великий немецкий математик и астроном Гаусс. Однако историкам ничего об этом народе не известно.

А не могло ли быть так? — Во время пребывания на Земле космонавты пытались передать людям свои знания. Но эти знания при чрезвычайной низкой культуре и слабо развитой технике тогдашнего человеческого общества были чрезвычайно трудно приемлемы, поэтому они не могли быть прочтены. Единственное исключение составляли некоторые сведения по астрономии, потому что даже наиболее примитивным кочевым племенам нужно уметь ориентироваться по свету. Астрономические сведения люди тщательно хранили с самой глубокой древности. Поэтому именно сведения по астрономии, сообщенные космонавтами, могли иметь наибольшие шансы сохраниться.

А как же с критикой?

По страницам журнала «Молодая гвардия»

ЖУРНАЛ «Молодая гвардия» за последнее время своего существования успел немало: он печатал и печатает лучшие произведения молодой прозы, интересные стихи, увлекательные рассказы, интересные статьи. Но любопытный факт — восемь первых месяцев прошлого года рубрика «Литературная критика» в журнале не появлялась.

Были, разумеется, статьи, рецензии, заметки и в предыдущих номерах журнала, но если бы сегодня, подводя итоги за год, редакция «Молодой гвардии» звала заново сколлектировать полноценный раздел критики «только» литературного журнала, — наверное, из двенадцати опубликованных ею критических подборок остались бы две: одна, целиком взятая из девятого номера, а во второй вполне разместились бы все ценное из остальных номеров.

Как же так? А очень просто. Во-первых, статей (именно статей, а не рецензий и заметок) в «Молодой гвардии» объем той, которая чуть поменьше «Нового мира», было за год совсем немного. Основным жанром литературно-критических выступлений в журнале оказались не статьи и даже не рецензии, а открытые аннотации под рубрикой «Прочтите — это интересно». И, во-вторых, в узком кругу опубликованных статей основное место заняли так называемые обзоры, то есть преимущественно те же самые аннотации, но уже принадлежащие одному автору и объединенные между собой по какому-либо тематическому признаку.

О чем же писала «Молодая гвардия» в своих больших и малых аннотациях? О многом: о шахматах и кибернетике, о «Подводной охоте» Д. Олдриджа и китайском альбоме Бидструпа, о Кампанелле и Дыблене, о Бомбаре и Ню, о «снежном человеке» и «Библии для верующих и неверующих»...

Все это объяснимо, если принять во внимание широту и разнообразие интересов наших молодых читателей; не объяснимо другое: как, успевая летать за всем, журнал не успевает летать главного — следить за творчеством молодых поэтов, прозаиков, драматургов? Без главного — без серьезных проблем статей по коренным вопросам современной литературы, и прежде всего литературы «молодой», прожита «Молодая гвардия» по крайней мере половину прошлого года.

Фамилии молодых пестрят лишь обзорные статьи. Эти имена составляют в списке, а эти списки с унылой навязчивостью переходят из обзора в обзор. Вот наиболее типичный пример такого обзора — «Оптимисты», заметки В. Воронова о молодых прозаиках. Сначала оптимистический список: «Божьи повести Анастасии Кузнецовой, Илья Лаврова, Юрия Помозова, Станислава Мелешина, Льва Давыдовича, рассказы Георгия Радова, Виктора Петлюнова, Сергея Никитина, Евгения Карпова, Леонида Пасенкова, Инны Варламовой, Валерия Осипова, Нины Семенович, Андрея Меркулова, Николая Воронова, Геннадия Калининского, и вы убедитесь, что не так уж бедна молодая поросль советской литературы». Потом не менее оптимистический вывод: «При всем различии творческого облика этих молодых писателей объединяет их жажда жизни, жизнеутверждающий пафос их произведений». Будто весь пятитысячный список членов Союза писателей СССР не объединяет то же самое «жизнелюбие» и «жизнеутверждающий пафос»!

А вот о «различии творческого облика» автор обзора упоминает ради приличия — его это в дальнейшем не интересует. Ему это кажется делом настолько простым, что он может мимоходом бросить: «В повествовательно-спокойной, прозрачной речи Никитина чувствуется большая языковая культура бунинской школы». И все — ни расшифровки, ни доказательства!

В следующем же номере после обзора «Оптимисты», насавшегося и творчества Ст. Мелешина, помещена уже специальная рецензия на его книжку, потом пришлось снова возвращаться к творчеству С. Никитина. Точно так же, после подобного «сприщенного» обзора В. Мильнова «От Иркутска до Томска» редакция вынуждена вновь вернуться к стихам Майи Борисович, чтобы восстановить истину. В стремительном потоке трансирских встреч и цитат В. Мильнов не различает особых, золотых крупин в стихах М. Борисовой — одного из самых молодых и самых талантливых поэтов этого края. И в этом еще одна неизбежная беда таких обзоров: отсчитывая писателей десятками и не желая кого-либо в отдельности обидеть, обобщая в конечном счете всех.

Конечно, и обзоры могут быть разными. Лучшая, на мой взгляд, статья «Молодой гвардии» в прошедшем году, статья, появлению которой могли бы лишь позавидовать другие «именитые» журналы, — это «Порог» Вл. Турбина. По сути дела, это тоже обзор — обзор двух студенческих сборников, московского и Ленинградского, собранных на своих страницах стихи ста начинающих поэтов. Вот, казалось бы, разное для списков и перечислений. И Турбин тоже цитирует, перечисляет, называет имена, когда этого требует главное. А главным для него, критика-публициста и художника, остается мысль — цельная, оригинальная.

Статья Турбина напечатана в восьмом номере, — и это был отличный «порог» для лучшего в минувшем году (по разделу критики) девятого номера «Молодой гвардии». Впервые за год журнал проявил наконец свою волю, свой замысел, свой вкус — эта единая воля

и вкус пронизывают обе статьи раздела: С. Михайлова о новых книжках и Ю. Бычкова о выставках молодых художников. И той же целенаправленностью отличаются помещенные рядом рецензии М. Виленского, В. Чалмаева, И. Питягара, литературоведческие реплики Н. Приянишникова и А. Балдина и даже непрямолинейная пародия Ю. Нехорошева. Да, обзор О. Михайлова более фрагментарен и из-за этого не так глубок и целен, как статья В. Турбина; и в размышлениях Ю. Бычкова немало спорного; и крупная доза литературоведения, сконцентрированная в репликах, несколько неожиданна для этого журнала, — но все это действительно критика, ибо каждая статья и рецензия несет в себе мысль, а не информация. Серьезный замысел, естественно, заставил журнал заговорить, хотя бы кратко для начала, о характерных явлениях года. Да и критиков для таких серьезных разговоров журнал нашел подходящих — таких, как О. Михайлов, В. Чалмаев, Ю. Бычков. Все они еще достаточно молоды (так на то и «Молодая гвардия»), но уровень их работы выгодно отличается от того, что делает на страницах той же «Молодой гвардии», к примеру, Б. Васильев, который из номера в номер выступает на самые разнообразные темы с аннотациями, настолько похожими между собой, что будь у них родная мать — она не смогла бы их различить!

После девятого номера многообещающий заголовок «Литературная критика» промелькнул в журнале еще раз и снова пропал: в конце года это место вновь прочно заняло обозрение «Прочтите — это интересно». Правда, в тех же последних номерах появились солидная, хотя и несколько академичная, статья Е. Стариковой о Леонове, увлекательная публикация С. Трегуба, интересные рецензии Ю. Велаша, А. Берези, И. Борисовой, А. Лебедева. — Но чем дальше, тем больше их вытесняют прежние случайные заметки-пересказы.

До сих пор речь шла о том, чего касается «Молодая гвардия» в своем критическом разделе. Но оглянемся, чего же она не касалась за год?

Странное дело: журнал обошел своим вниманием наиболее горячие, острые, хотя и далеко не бесспорные события. Прошедший год для «Молодой гвардии» был по-своему примечательным: ведь основной интерес и споры завязались как раз вокруг творчества целой шеренги молодых прозаиков и поэтов.

Со страниц литературной печати не сошли имена Е. Винокурова и Б. Слуцкого, В. Федорова и Е. Евтушенко, А. Володина и А. Вознесенского, Ю. Бондарева и Г. Бакланова. А споры вокруг рассказов Ю. Казакова, а встреча поэтов в Ленинграде, наконец, молодая дискуссия в «Комсомольской правде», случившаяся почти незаметно: отдели критика молодежного журнала сумел с поразительной последовательностью сурово охранять молчание именно по этим наиболее близким ему и важным для читателей вопросам современного литературного процесса.

Но вот на одно из знаменательных явлений года — на появление книжки поэм Василия Федорова — журнал откликнулся. Но как? Автор статьи Вл. Любовец сделал для себя вывод: «Поэмы Василия Федорова по праву можно считать лучшим из того, что появилось в поэзии за последние годы». Категорически и решительно — первый среди поэтов, даже «за последние годы»... Хорошо, и критик может увлекаться, но ведь в этом увлечении, если оно серьезное, должны быть какие-то основания, доказательства. А Вл. Любовец, увы,

ленился дифирамбами, забыл о главном — о серьезном анализе подобно-шихся стихов. Нет меры его восторгам: «Пускай я рискну покаяться старомодным, но я чувствую на себе, как плещет и чарует стих Василия Федорова». При этом молодой критик не забывает и о себе позаботиться: только что процитированная старомодность, оказывается, передается Любовецву непосредственно от «неистового Виссариона»!

Этот случай со статьей Вл. Любовеца — наглядная иллюстрация к тому, как журнал, ослабивший внимание к литературной критике, оказывается неподготовленным для серьезной встречи с поучительным — в своих находках и поисках — успехом молодого литератора на главном направлении.

Неподготовленность к таким серьезным встречам, отсюда боязнь магистральных тем и крупных вопросов, и как следствие этих превращений, благодушная всеядность и бесхребетность в работе — основная беда раздела критики «Молодой гвардии». Именно этого раздела журнал печатал и провозглашал значительные и острые. В прозе журнал способен иногда на решительные шаги, а в критике он безволен и пасивен. Справедливости ради надо отметить: случается такое и не только с «Молодой гвардией» — разве, скажем, в «Новом мире» его требовательная критика не забрала бы добрую половину его же собственной прозы прошлого года?

Но чужие беды — слабое оправдание для «Молодой гвардии». Без целеустремленности критического раздела и важнейшим темам и проблемам, волнующим литературную молодежь, журнал молодых не найти своего лица.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЧЕХОВУ...

О ДНАДЦАТИ Александр Чехов написал про себя: «А заглядывая в душу она еще не умеет...»

«Заглядывать в душу...» — иронически повторил Антон Павлович в ответном письме брату. — Не напоминает ли тебе урядническое чтение в сердцах?

В этой любопытной отповеди чувствуется осуждение братней ссазоточивости, осуждение сквозящей в письме совершенной убежденности, что душа человеческая не является простом.

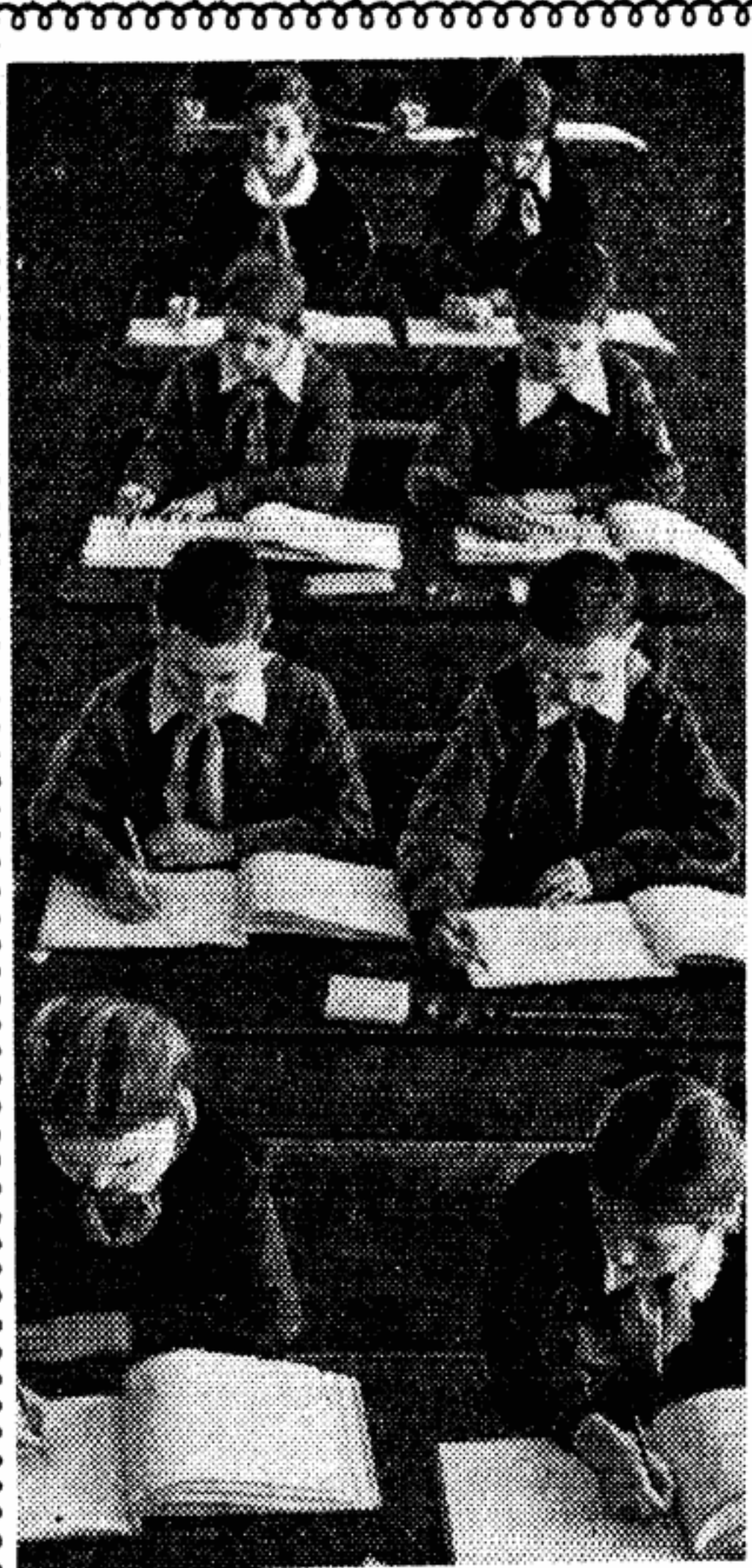
Но здесь ли кроется и разгадка чеховской неприязни к юбкам?

Быть может, высказывая юбилейные речи в свой адрес, Антон Павлович чувствовал себя так, будто бы в гости к нему пожаловал созданный его фантазией Юным:

«...он без церемонии идет в этот дом... тычет во все двери папкой и говорит: «Этот кабинет? Это спальня? А тут что?»

Столетие со дня рождения писателя обидится, к счастью, без вмешательства подобных персонажей. Скажу больше. Из того, что напечатано в эти дни о Чехове, немало могло бы выдержать даже критику самого виновника торжества.

Передовая статья (кстати, отлично написанная и четко обозначившая центральную

Как увлечены и сосредоточены ученики, 5-го класса 485-й школы Москвы! Сразу видно, что ребята здесь оиди из самых любознательных. И неунывающие. Педагог этой школы умело привлекает учеников к искусству, любовь к прекрасному.

Фото В. Лылова

тему номера — Чехов в современности» — кончается утверждением: «...местные люди всего мира празднуют у нас вместе с нами». И начиная со следующей страницы через весь номер прохладит подборка высказываний деятелей искусства «Чехов в нашей жизни».

А. Арбузов и А. Миллер, С. Бирман и Л. Лопес Оливейра, В. Розов и Д. Пристай и многие другие делают своими мыслями о Чехове.

«Я держу в руках книжку чеховских писем... Один томик!!! Но он перевернул всю мировую драматургию...», — пишет М. Кнебель в статье «Через годы».

Что же за сила была зачтена в этом томике? На этот вопрос стремится ответить в своих статьях и М. Туровская, и Е. Сурков, и В. Валицкий, рассказавший о ролях Качаева в чеховском репертуаре, и Р. Симонов, напомнивший о работе Е. Вахтангова над «Свадьбой», и А. Фрейндлих, проанализировавший театральные мотивы в беллетристике Чехова, и К. Рудницкий, рассказавший о поэтике чеховской драмы, и покойный критик А. Роскин, записи лекций которого публикуются впервые.

Статья М. Туровской «На разломе эпох», вероятно, заслуживает отдельного разговора. Редко приходится наблюдать такую слиянность идейного и эстетического анализа, посредством кото-

рого автор поводит читателя к своим выводам.

«По существу», — замечает Туровская, — чеховские герои уже не хотят того, что они хотят, но есть смутно осознано ничтожество целей, к которым по своему социальному положению, воспитанию и т. д. должны были — и еще по инерции оказываются — стремиться, а лучше из них даже обращают высказываясь взгляд к будущему.

Статья М. Строевой «Чехов и советская драма» носит скромный подзаголовок: «К постановке вопроса». Действительно, нацупать верное решение этой запутанной проблемы не так просто. И если М. Строева права, доказывая иллюзорность следования Чехову в таких пьесах, как «Домик на окраине» А. Арбузова, то когда она считает «Гашевские» А. Леонова поворотом «от слащавости Достоевского» — к чеховской простоте? Или заглядывая, будто «физикогеографический чухадка» бы принимал астафету у чеховского «чухадка» и «неподобающе» Пети Трофимова», — эти утверждения выглядят очень амбициозными.

Хочется отметить публикацию из наследия К. С. Станиславского и Ва. И. Мейерхольда — Данченко.

Своим «чеховским номером» журнал «Гитар» не только преподнес полписки прекрасной подборки, но и в известной мере стал «запевалой» юбилейных торжеств.

Своим «чеховским номером» журнал «Гитар» не только преподнес полписки прекрасной подборки, но и в известной мере стал «запевалой» юбилейных торжеств.

Своим «чеховским номером» журнал «Гитар» не только преподнес полписки прекрасной подборки, но и в известной мере стал «запевалой» юбилейных торжеств.

Своим «чеховским номером» журнал «Гитар» не только преподнес полписки прекрасной подборки, но и в известной мере стал «запевалой» юбилейных торжеств.

Своим «чеховским номером» журнал «Гитар» не только преподнес полписки прекрасной подборки, но и в известной мере стал «запевалой» юбилейных торжеств.

Своим «чеховским номером» журнал «Гитар» не только преподнес полписки прекрасной подборки, но и в известной мере стал «запевалой» юбилейных торжеств.

Своим «чеховским номером» журнал «Гитар» не только преподнес полписки прекрасной подборки, но и в известной мере стал «запевалой» юбилейных торжеств.

Андре Тиммерманс

— последний человек, который видел моего отца в живых. Это было в Шпандау. Джалиль уже знал, что приговорен к смерти. Он не справился о судьбе своей рукописной тетрадки, отданной Андре в Моабите. Джалиль был уверен, что однажды данное обещание Андре сдержит непременно. Они хорошо узнали друг друга в неволе: общая камера обманула их. Бельгиец сделал все, чтобы обмануть бдительность гитлеровских тюремщиков: когда его отправляли на каторгу и пересылали его личные вещи домой, он вложил в них стихи Джалиля. Так сохранилась «Моабитская тетрадь». Но только спустя много лет нам стало известно имя того, кто это сделал. Это человек, кто живет и его можно повидать.

Надо ли говорить о том, чем был для нас приезд этого человека в СССР, когда наш Союз писателей в 1957 году пригласил чету Тиммерманс в Москву? Скажу только, что расстались мы друзьями, близкими, родными людьми.

Мама и я обещали приехать к Тиммермансам в гости. И вот мы едем в Бельгию.

...Аэродром в Брюсселе. Мы выходим из «TV-104», осматриваемся. Никого нет — ни Андре, ни его жены Мари-Жан. И вдруг, подняв глаза, я вижу их на открытой верхней площадке легкого здания аэропорта. Оба радостно приветствуют нас оттуда: Андре стремился увлечь меня на фотопленке момент нашего вступления на землю его родины. Встреча волнующая. У мамы и Мари-Жан на глазах слезы, а я сразу забыла все французские слова. Но очень быстро все наладилось. Андре решительно заявил, что мы его гости, и он увозит нас к себе.

Вечером мы покинули ярко освещенный Брюссель ради маленького, чуть грустного и в тот час почти темного Тирлмонто, где живут наши друзья, друзья Джалиля.

Машина Андре быстро пробежала пятьдесят километров.

Узкий, вытянутый вверх дом Тиммермансов, как все дома здесь, увенчан острой крышей и состоит из двух этажей. В нижнем, перед жилыми комнатами, — маленький винный магазин, который принадлежит матери Мари-Жан.

Наши хозяева — необыкновенно симпатичные люди. У Мари-Жан светлые вьющиеся волосы, серые глаза, чудесный, свежий цвет лица. Ее походка, спокойные жесты, неторопливые, полные достоинства движения грациозны и легки. Андре — высокий, худощавый, темноволосый человек с тонким, нервным лицом. Активный участник движения Сопротивления, скромный клерк, Тиммерманс в 1942 году был арестован гестаповцами. За три года его мучили в двадцати тюрьмах и концентрационных лагерях и приговорили к каторге. Он похудел на двадцать два килограмма и заболел так, что даже теперь страдает, кажется, одним молоком. Но всегда он был стоик, мужествен и благодарен.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что нельзя заставить Андре говорить о себе. Он не считает совершенное им подвигом: исполнить долг патриота или просьбу друга для него так же естественно, как дышать. Удивительно приятная и доброжелательная улыбка освещает его умное лицо. Глаза улыбаются чаще, чем рот. Всегда подтянут, аккуратен и во всем — мягкость, внимательность, добросердечие. Он никогда не говорит о своих чувствах, но как-то отеческую ласку в его обращении, в его взгляде, в улыбке и в обращении.

Андре подружился с моим отцом в неволе, обещал спасти стихи, написанные на чужом для него языке, и сдержал свое обещание. Вот и все. Никогда и ни за что

Книга о президенте Гронки

ПОБЕДИКА в Москву президента Итальянской Республики Джованни Гронки вот уже несколько месяцев находится в центре политической жизни Италии.

Как всякое событие, отражающее общенациональные проблемы, политические сдвиги, поездка Джованни Гронки вызывает, естественно, живой и сильный отклик: событие это волнует в Италии умы и сердца миллионов людей, оно способствует кристаллизации позиций политических партий и деятелей, заставляет их острее и четче проявить свое отношение к важнейшим жизненным проблемам современности.

В условиях крайней остроты классовых и политических конфликтов в Италии разгоравшаяся в связи с поездкой президента политическая полемика не могла не приобрести особо резкого характера. Партиям и деятелям, приветствующим встречу в Москве и открывающиеся благоприятные политические перспективы, противопоставят партии и деятели, стремящиеся во что бы то ни стало помешать международной разрядке и укреплению уз дружбы и взаимопонимания между народами Италии и СССР.

Кампания, раззадорившая ныне итальянскую реакцию, не отличается от многих других антикоммунистических и антисоветских кампаний новизной («аргументов»). Она отличается разве лишь крайними проявлениями панического страха и бесцельной ярости, какие внушает реакционным силам в Италии могущее наступательное движение истории. Кульминационной точкой кампании эта достигла в январе, когда устами влиятельного сановника церкви крайне правые клерикальные круги осудили поездку в Москву главы итальянского государства, предали анафеме идею мирного сосуществования и призвали к «крестовому походу» против коммунизма.

Впрочем, кампания итальянской реакции, отличающаяся ожесточенностью и упорством, поражает еще одной особенностью: организаторы ее не пощадят и личности самого президента. На протяжении ряда месяцев попытка извратить смысл московских встреч, придать им сугубо формальный характер сочетается с попыткой принизить авторитет главы итальянского государства, ограничить его полномочия, доказать, в частности, будто вопросы внешней политики не подлежат компетенции главы государства.

Все это, разумеется, не может не поразить: ведь глава итальянского государства Гронки является одним из старейших деятелей итальянского католического движения, одним из основателей христианско-демократической партии.

Но противоречие это перестает казаться парадоксальным, если учесть, что это лишь одно из многих проявлений все углубляющегося политического кризиса в стране, который порождает все более резкое размежевание сил и все обостряющаяся борьба течений в самой христианско-демократической партии. Немаловажно и другое: в этой борьбе течений, раскалывающей христианскую демократию, Гронки находится в числе тех, кто более непосредственно испытывает давление рядовых членов партии, воздействие растущего в стране протеста широких масс. Итак, в основе враждебной президенту кампании лежат политические разногласия, а пахоты скрываемое раздражение его противников справа объясняется тем, что Гронки неизменно придерживается принципов и позиций, в которых он пришел в результате полувекowego участия в политической жизни Италии.

О том, каков круг этих идей, дает ясное представление книга «Гронки. Битвы настоящие и битвы минувшие», принадлежащая перу единомышленника президента — итальянского писателя и публициста Джанкарло Вигорелли.

Книга эта не известна еще советскому читателю. Автор рисует политический портрет Гронки в широкой исторической рамке. Правда, изображенная в книге историческая перспектива кажется подчас суженой, не все мысли и оценки автора свободны от предубеждений. Но эти и другие полемические замечания здесь не место разбирать подробно.

Книга весьма интересна. Она вводит читателя в идейный мир Джованни Гронки, связывая эволюцию его взглядов с идейным и политическим развитием всего христианско-демократического движения. Автор возвращает читателя к истокам этого движения, к тому далекому периоду, в котором оно зародилось и начало политической деятельности Гронки.

В 1899 году, еще юношей, он произнес первую речь на собрании католической молодежи, три года спустя он примкнул к левому христианско-демократическому течению, платформа которого сложилась отчасти под влиянием социалистических идей.

Рано пробудившийся у Гронки интерес к политическим и социальным проблемам автор объясняет скромным социальным происхождением и небезбедностью семьи Гронки, его «спешальным и трудным детством». Сильное впечатление произвела на него и всеобщая забастовка 1904 года. Вот почему, когда в 1910 году, по окончании литературного

• Giancarlo Vigorelli. «Gronchi. Battaglie d'oggi e di ieri». Firenze, 1956.

«Трагическое следствие жилищного кризиса: английская мать меняет своего новорожденного младенца на квартиру. Ада Каммингс, 38 лет, живет в одной комнате с мужем и семью детьми. Ее муж Уильям — мелкий служащий. Три месяца тому назад она, не в силах больше терпеть создавшееся положение и ожидая восьмого ребенка, дала объявление в газете о том, что она готова обменять своего будущего ребенка на квартиру через 24 часа после родов. «Мы — такие же родители, как и все, мы любим своих детей больше всего на свете, но ради того, чтобы остальные могли жить, нам пришлось пожертвовать последним», — сказала она. «Обмененный» младенец составил счастье бедной семье, проживающей в Ньюкасле. Обмен состоялся на этих днях».

Снимок и текст из французского журнала «Пун де ю» — издана до монд».

факультета университета в Пизе, Гронки начал преподавать и заниматься первыми литературно-критическими исследованиями, он все же не оставил сферы политической деятельности, а сочетал выступления с кафедры с выступлениями на митингах. Так началось сложное политическое путешествие Гронки: в годы после первой мировой войны — синдикалистская деятельность во главе католических профсоюзов и активное участие в партии «Пополари» (наследницей которой является ныне христианско-демократическая партия), затем, вслед за кратковременным сотрудничеством с первым правительством Муссолини, выступление в парламенте против антидемократического избирательного закона 1923 года и открытый переход в оппозицию против фашизма. В числе 123 депутатов оппозиции Гронки был вскоре лишен депутатского мандата.

Когда же в ходе второй мировой войны развернулась борьба итальянского народа за освобождение Италии от нацифашизма, Гронки участвовал в движении Сопротивления.

Таковы лишь некоторые факты политической биографии президента, которых Вигорелли касается, впрочем, слишком кратко. Его интересуют главным образом идеи Гронки. Однако развитие этих идей он рассматривает преимущественно под углом зрения воздействия мыслителей прошлого или прямого влияния идейных столпов новейшей современности. Между тем не подлежит сомнению, что решающим фактором в процессе формирования его взглядов являлась конкретная историческая обстановка, в которой действовал Гронки, политический опыт, которым он обладался. Именно в этом основа политической реальности, присутствующей Гронки. Именно поэтому он сумел, как отмечает Вигорелли, понять и оценить значение необычайно возросшей в современном обществе политической роли народных масс, которые он называет «подлинными действующими лицами истории».

Вот почему он подвергает резкой критике консервативный характер буржуазно-либерального государства, преграждающего путь силам труда. Считая необходимым, чтобы политика правительства и государства, партии и профсоюзов соответствовала новым историческим условиям, Гронки выступает за социально-политические реформы и за создание «социального государства, основанного на солидарности индивидуумов и классов».

Не меньшее значение имели и попытки Гронки повлиять на внешнеполитический курс правящих кругов. Соглашаясь с тезисом о «приверженности Италии к западному миру», Гронки тем не менее в разгар «холодной войны» выступил за более самостоятельную внешнюю политику Италии.

Впоследствии Гронки возражал и против «трагической роскоши» политики перевооружения. А совсем недавно, в рождественской речи в парламентариях, он заявил, что в момент, подобный нынешнему, обмен пожеланиями мира — это не риторический прием; он имеет глубокий смысл. Нельзя предаваться пессимизму ни в отношении внутренних, ни в отношении международных дел.

В свете сказанного не удивительно, что Гронки, лишившись расположения руководящей верхушки собственной партии, завоевал доверие и симпатии широких общественных кругов. После своеобразной изоляции, в которой он оказался в годы правления Де Гаспери, он был выдвинут на авансцену политической жизни Италии волею широкого блока политических сил (от христианских демократов до коммунистов).

Гронки был избран президентом 29 апреля 1955 года 658 голосами из 733 — вопреки решительному сопротивлению руководства его собственной партии, выдвинувшей на этот пост кандидатуру председателя сената Мерцагора.

Сегодня, в новой международной обстановке, те же народные силы, которые пять лет тому назад, голосуя за Гронки, голосовали за демократию, мир и прогресс, провозгласив президента, выразили веру в его добрую волю. Об этом говорили в тысячах приветственных посланий, писем, телеграмм, с которыми со всех концов страны обращались к Гронки простые люди Италии.

Народы же нашей страны, радушно встретившие главу итальянского государства, преполнены чувствами искренней симпатии к народу Италии. Непременной их горячее стремление к прочному миру и дружбе между народами. А стремление и воля народов, творивших историю, не могут не восторгивать.

К. МИЗИАНО

Уравнение со многими известными

КОГДА во Франции начинается расследование преступления, виновник которого неизвестен, полиция обычно объявляет, что она открывает «дело против X». В первые же дни алжирского мятежа в парижских газетах сообщалось о серии «дел против X», обвиняемых в покушении на внутреннюю безопасность государства». Судебные органы Алжира и метрополии теперь, когда мятеж окончен, распуывают сложную систему уравнений со многими, как они утверждают, неизвестными. Произведены обыски в помещениях десятка крайних правых партий и организаций. Только за один день — 28 января — полиция выдала ордера на арест 80 человек.

Не понятно, однако, почему до сих пор фигурируют обозначения «X» и «Y»? Ведь сейчас уже известны не только имена и приметы тех, кто стрелял во французских солдат и полицейских, сыскал замки с алжирской тюрьмы и освобождал преступников, обвиняемых по делу о покушении на генерала Салана в январе 1957 года. Раскрыты имена прямых и косвенных сообщников ультраколониалистов, тех, кто в течение нескольких месяцев готовил выступление против политики президента де Голля в алжирском вопросе, кто вооружал и организовывал мятежников.

Пока, судя по действиям судебных властей, найден ответ только для тех уравнений, решение которых не представляло бы трудности для школьника. Привезен из Алжира и заключен в тюрьму «Санте» главарь алжирских мятежников Пьер Лагайрд. Сняты с самолета в парижском аэропорту и арестованы депутаты парламента Биалажи и Кауха: в течение бурной недели, начавшейся 24 января, они были в центре алжирского мятежа. Выдан ордер на арест скрывающихся главарей ультраколониалистов Ортиза и Мартели.

Ну, а что же с остальными? Ни для кого не секрет, что некоторые крайние правые деятели Франции выражали открытое одобрение алжирским событиям на территории метрополии: Бино, Ле Пен, Диэ, Аргити, Томас, Тикье-Вильянкюр. Все они — депутаты парламента.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ФАШИСТСКОГО ГОЛОВРЕЗА

Рис. художника Эснаро из газеты «Либерасьон»

Дид — бывший полицейский комиссар, Ле Пен, пытавшийся поднять реакционную часть парижского студенчества на забастовку в знак поддержки мятежников, был задержан и даже при аресте пытался оказать вооруженное сопротивление полицейским. Однако это не помешало ему уже через несколько дней оказаться на свободе и голосовать в Национальном собрании Франции против предоставления чрезвычайных полномочий правительству. То же самое произошло с генералом Шассеном, руководителем «движения 13 мая». Его арестовали, допросили и... выпустили на свободу.

Ален де Сериньи был не только вдохновителем, но и главным финансистом мятежников, признанным идейным главой ультраколониалистов. Все дни мятежа газета «Эко д'Альже», принадлежащая де Сериньи, была рупором людей, подвизавших руку на республиканский строй Франции. Соучастие Сериньи в мятеже не требует доказательств. Но виконт Ален де Сериньи — миллиардер, «владелец заводов, газет, пароходов», не какой-то кабатчик Жозеф Дартэ. И судебные власти не пошли дальше домашнего ареста: виконт отбывает его на своей роскошной вилле в предместьях Алжира.

Французские судебные власти до сих пор не решили, как поступать с офицер-

ской верхушкой армии в Алжире, которая в течение всей недели мятежа занимала позицию доброжелательного нейтралитета по отношению к ультраколониалистам. Если наказывать офицеров, не выполнявших приказы гражданской администрации, то кого именно и до каких чинов включительно?

Пока арестован только полковник Гард, служивший в штабе французской армии в Алжире, связи которого с Ортизом разоблачены печатью. Парижские газеты сообщают, что вопрос о санкциях по отношению к другим высшим офицерам рассматривается.

Не решен, казалось бы, такой простой вопрос: что делать с мятежниками, занимавшими баррикады в городах Алжир и Оран. Их, по разным сведениям, насчитывалось от трех до десяти тысяч человек. Арестованы пока только главарь, Радючых же командование армии стало, не дожидаясь, зачислять в ряды Иностранного легиона. Создается даже, как сообщает газета «Либерасьон», специальные роты, укомплектованные этими головорезами.

Мятеж в Алжире поставил французское правительство перед сложнейшими политическими проблемами. В самом кабинете Мишеля Дебре были люди, которые выступили против решительных действий, на-

правленных на разгром мятежников. Самая крупная фигура среди них — Жак Сустьель — «герой 13 мая», не скрывающий своих связей с ультраколониалистами и фашистским подпольем во Франции. После мятежа нельзя было оставить Сустьеля и его ближайшего соратника Корню-Жантуй в составе правительства, и 4 февраля они были выведены из него.

Характерно, однако, что тотчас же после этого Сустьель сделал специальное заявление для печати, в котором фактически повторил основные лозунги заговорщиков. Сустьель подчеркнул, что он намерен «сохранить вопреки всем» преданность делу французского Алжира, и потребовал обрушиться со всей строгостью... на коммунистов. Вызывает удивление, однако, что в кабинете сохранил бывший министр информации Роже Фре, которого в изданной в Париже книге «Документы партии ЮНР» характеризуют как «второго Сустьеля».

Парижская прогрессивная печать выражает крайнюю тревогу в связи с нерешительностью и полумерами по отношению к организаторам и соучастникам алжирского мятежа.

Не так уж много неизвестных в уравнении, которые решает французская полиция!

Ю. ХАРЛАНОВ

У ПОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

УЖЕ НАКАНУНЕ нашего отъезда из Варшавы один из польских писателей заметил: «В вашем представлении есть теперь фотография современного момента нашей литературной жизни». Да, эта «фотография» у нас была, и сопоставляя ее с тем, что нам доводилось узнавать о польской литературе прежних лет, мы не могли не заметить эволюции взглядов и суждений, изменения тона дискуссий, высказываний литературной критики, всей атмосферы творческой жизни в стране.

Многочисленные встречи и беседы с польскими писателями во время поездки группы советских литераторов в Польшу Народную Республику, открытый обмен мнениями и порой дискуссии в редакциях литературных еженедельников и журналов, посещение издательств, вечера, проведенные в среде польской интеллигенции, учащейся и рабочей молодежи, позволяют говорить о некоторых любознательных процессах.

Ярослав Ивашкевич писал недавно в журнале «Творчество» о взаимных визитах и контактах с советскими литераторами. Нам понравилась его слова о том, что «миссия доброй воли» и ничем не стесненная открытость при личных встречах отворили двери для подлинной дружбы. Эти слова нам часто вспоминались в Польшу. И когда мы ехали на тихую, по-осеннему грустную улицу на окраине Варшавы, где живет крупнейший поэт современной Польши Владислав Броневский, и когда шли в редакцию журнала «Творчество». Когда были дружелюбны разговоры в одном из домов на улице Мицкевича в Лodzi, на квартире поэта и переводчицы советской поэзии Игоря Синичникова, и когда посетили в сельском городке Сночув одного из старейших польских писателей Густава Морцинька, и во многих других случаях.

Пожалуй, наиболее ярким показателем тех перемен, что произошли в литературной среде Польши, стал съезд польских писателей, обсуждавший насущные проблемы сегодняшнего дня отечественной литературы.

Научившись в те дни съезд стал логическим завершением наших литературных впечатлений. А до этого были встречи и встречи. Запомнились беседы в редакциях журналов «Диалог», «Творчество», еженедельников «Новая культура», «Шпегель культуры», «Жизнь литератора», молодежного двухнедельника «Вспучившиеся». Здесь сотрудничают наиболее активные силы литературной критики, многие поэты, драматурги, прозаики. Здесь, если хотите, делается литературная политика, и для нее характерно, что в сегодняшних спорах речь идет о роли писателя в наше время, общественной сущности творчества.

Большая часть краковских писателей и критиков стоит на позициях борьбы за социалистическое искусство, которое должно служить делу строительства социализма. На позициях борьбы за искусство большой художественной правды, не лакированно-иллюстративное и не очернительское. Искусство, у которого нет конфликта с политической. Вот те основные мысли, которые были высказаны нам в редакции краковской еженедельника «Жизнь литератора». Развивая их, один из молодых критиков заметил, что сегодня, по его мнению, у польского искусства вообще нет острого конфликта с политикой, как это было несколько лет назад.

Вспыхнул в нас и в след за этим дискуссия, поназад да нам, что молодой критик был и прав, и не прав.

У нас и сожаление среди писателей есть еще люди, которые считают, что искусство вообще не имеет острого конфликта с политикой, как это было несколько лет назад.

У нас и сожаление среди писателей есть еще люди, которые считают, что искусство вообще не имеет острого конфликта с политикой, как это было несколько лет назад.

ди с обывательскими взглядами и вкусами, — услышали мы возражение. — Они еще продолжают конфликтовать с политикой. Может быть, только не так открыто и не с тем успехом, как прежде...

Е. ТРУЩЕНКО

В правоте этих слов мы убедились тотчас же. У художественной литературы своя специфика, свои законы, — развив мысль один из краковских авторов. — Поэтому мы можем говорить об автономии литературы.

Мы не успели возразить его товарищам, ему ответил один из соотечественников.

— Автономия литературы, друг мой, не наше понятие. Я не за то, чтобы искать убежище, ограждая себя этим понятием от больших проблем жизни...

Такие беседы и встречи помогли нам уловить главное в жизни польской литературы сегодня — это стремление многих писателей отмежеваться от общечеловеческих понятий, спокойно и рассудительно найти принципиально верный взгляд на задачи художественного творчества.

Поэзия — активный участник современной польской литературы. В Варшаве и других городах постоянно проходят вечера поэзии во дворцах культуры, в клубах промышленных предприятий, вузов. Недавно в Познани проходил семинар молодых поэтов, в котором, как нам говорили, приняла участие добрая сотня авторов. Тем больший интерес представляло знакомство с поэтом Юлианом Шпибосем, имя которого приходилось слышать не раз, с его читателями и критиками. Шпибосе поделился с нами своим мнением о поэзии молодых. Он высказал много похвал о поэзии Ружевича, который, по его словам, интересен тем, что порвал с классической формой стиха. Его свободный стих строится не на ритме или рифме, а на интонации. По своему лексическому богатству, по ясности и Харасимовиче, поэте «свежее, живое, хотя и инфантильное воображение». Эти дифирамбы как-то не вязались с услышанным нами ранее. Вспоминались слова Владислава Броневского, вечер у которого мы провели накануне: «Наши молодые поэты утонули в отрицании всего того, что может быть поэзией, с чего для меня поэзия начинается: ритм, рифма, ясного смысла». Вспоминались также запальчивые, резкие высказывания на вечере в клубе студенческого городка Еленя, где мы встретились с варшавской молодежью. Молодые читатели и любители поэзии говорили о своей встрече с Ю. Шпибосем в том же клубе с огорчением, называя его поэзию малопонятной.

Поэтому нас не удивило, что в ответ Шпибосе поспылились реплики его коллег: «Тиражи наших поэтических сборников малы, нечего грехать танти»... «Поэзия эта трудна и не всегда понятна. Читатель предпочитает другие книги... И больше всего читает исторические и социальные романы...»

В этих горьких репликах, на наш взгляд, больше истины, чем в восторженных словах Шпибосе. В этом мнении укрепляет и знакомство со стихами самого поэта. Вот отрывок из его стихотворения «Смешные во гнев»:

Смешные из-за гнева, а из-за боли так близко! Как спички воспаленные, кричите на ветер, напрасно распевае огонь по свету: этот гнев — как прежде угасал среди потухших пожаров — так теперь не изменит — вокруг горящих костров — хода истории.

На пути ее, не я склонюсь, не брошу цветы. Трудно передать стихи в подстрочном переводе, но, на мой взгляд, прочтены эти строки, можно попытаться высказывать читателям, отказывающимся поэту в своем доверии.

Польские писатели много говорят о поисках в литературе. Но поиском новых средств художественного выра-

жения — действительно творческим и нужным — нередко сопутствует, к сожалению, и пустая мода «открытия», эксперимента ради эксперимента в среде литературной молодежи.

Нам довелось побывать в краковской «Пивнице», которую нам представили как самостоятельный молодежный эстрадный театр. Мы попали в мрачный и тесный подвал одного из домов в старинном центре города. В копоти и дыме от свечей и табака не все сразу можно было рассмотреть. Зал тускло освещался свечами, расставленными в стилизованных под старинные ржавых и ломаных железных подсвечниках. Электрический свет использовался лишь для специальных эффектов. В нишах, на стенах и под потолком — атрибуты мещанского быта (что нужно понимать как вызов или насмешку), в том числе пузатый самовар. Здесь же упоминались о бедности жизни, — скелеты рыб, чучела животных, какие-то маски. «Смерть придет и все изменит» — девиз этого «клуба». Он написан крупными буквами у входа в подвал, над сценой в самом подвале, где дается представление. Под этим девизом идет и программа самодеятельного коллектива «Пивницы», который, как нам сказали, состоит не только из любителей, но и из молодых артистов-профессионалов. Карикатурные сценки, пародия, песенки, порой без голоса, порой без смысла...

Вам говорили, что в жизни творческой интеллигенции Польши становится все меньше парадоксов, все меньше «сенсаций». Ушло в прошлое то время, когда литературная пресса выдвигала на первое место такие произведения, как «Мрак охватывает землю» Е. Анджеевского или же «Мать Крулея» К. Брандаса, книги, в которых сказались ущербные тенденции или же идеальные шаптанья авторов. Как нам сообщили в управлении издательства Министерства культуры и искусства, тиражи этих книг не идут ни в какое сравнение с прежними книгами тех же авторов («Пепел и алмаз» Е. Анджеевского, «Между войнами» К. Брандаса), выдержавшим по нескольку изданий. Вялый интерес к кое-каким «сенсационным» именам западных литераторов заставляет вносить коррективы в издательские планы. Безыдельная или откровенная реакционная буржуазная литература вытесняется.

— Что вы порекомендовали бы перевести из новых советских книг? — такой был первый встречный вопрос редакторов при нашем посещении одного из крупных варшавских издательств — ПИВ, вопрос, вызванный, несомненно, требованиями и интересами читателя.

Весьма характерными для сегодняшних умонастроений большинства польских писателей нам показались и ответы на наш вопрос: «Что вы считаете наиболее интересным из новых книг польской литературы?» В Варшаве, Лodzi, Катовице и Кракове наши собеседники — писатели и критики почти единодушно называли правдивые произведения, раскрывающие странности жизни в прошлом или настоящем, — пьесу Л. Кручовского «Первый день свободы», романы «Жизнь большая и малая» В. Маха, «Дыра в небе» Т. Конвичко, «Рапорт не будет доставлен» В. Махека, «Ветство» Л. Гомолицкого и некоторые другие.

В этих рекомендациях нельзя не видеть поддержки ведущей реалистической тенденции в развитии польской литературы.

Проведенный недавно Лодзинским издательством конкурс выявил отдельные интересные произведения прозы. Они освещают большие проблемы сегодняшнего дня. Героями этих произведений являются строители новой

жизни. Вслед за Лодзинским издательством варшавское издательство МОН объявило конкурс на лучшее произведение о современности. «Сейчас многие авторы ищут подхода к современной теме. Но, к сожалению, немногим пока удается его найти», — говорили нам редакторы издательства. В этих поисках — проявление здоровых тенденций польской литературной жизни. Но «и под одним одеялом можно видеть разные сны», — сказал нам один из польских литераторов.

И действительно, наряду с этими тенденциями существуют уродливые, старомодные «сенсации», дающие пищу для злых анекдотов. Одна из них — творческая деятельность Милона Блосховского, называемого писателем и руководителем театра. Одни говорят о нем в шутку, другие — недоумевая, третьи — со злой иронией. Когда Блосховский выпустил сборник стихов, его стали называть поэтом и хвалить за то, что он «внес новый дух в дадаизм». Ныне он сочиняет «драматические сценические произведения». И сам же разыгрывает в «Обском театре», а точнее, на дому, вместе с женой. У них собираются зрители — любители «экстравагантного». Мы не видели этих представлений, но по текстам пьес и по отзывам писателей, побывавших у М. Блосховского, можно составить представление, что «Общий театр» — нечто далекое от нудной современной польской литературы. Это — творчество сбитого со сбившего толка.

Может быть, о подобных явлениях и не стоило бы писать, а тем более принимать их всерьез. Однако они отчасти показывают, через какой этап проходит развитие художественной мысли в этой стране, к чему приводит интеллектуальный анархизм, оживление реакционных, консервативных тенденций в культуре нашей жизни Польши, наблюдавшееся несколько лет назад.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ не могу не рассказать о поездке в Силезию к 68-летнему Густаву Морциньку, потомственному горняку, романтисту и бытописателю шахтерского края. Точного адреса писателя нам не сообщили, но найти его в городе оказалось делом нетрудным. Подъезжая к Сночуву, мы у первого же пешехода спросили, не знает ли он, где живет «пан Морцинько».

— Вот за той трубой вдали, третий дом справа, — последовал ответ. По этому указанию мы приехали безобидно.

Писатель улаживает тома своих книг, чтобы передать их в дар советской делегации. Среди них — романы «Ондрашек», выдержавший пять изданий на польском языке, «Пласт Иоанны», издававшийся в Польшу семь раз и переведенный на другие языки, «Звезды в колоде», повести, рассказы, заметки о путешествиях, воспоминания.

Я вырос и воспитан в среде рабочей класса, говорит Морцинько. — Мой отец погиб в шахте. Мой мир — мир горняков. О них я пишу. И знаю, как трудится, как живет и как думает горняк. Все это — в моих книгах. Это я называю реализмом. Может быть, в этом главная причина того, что горняки читают мои книги.

Этот человек поражает неиссякаемой энергией, бодростью духа. Он полон творческих сил, замыслов.

— Работая над новым романом, — делится Густав Морцинько своими планами. — Мой герой воплощает народную житейскую мудрость, смекалку и юмор. Это будет польский Кола Брюньон. Роман должен выйти в шестидесятом году.

Обилие впечатлений, разнообразие встреч... Много интересного видели мы в жизни польской литературы, противоречивыми и трудными путями идет ее развитие, но, несомненно, ни на какие сложности, оно неустойчиво и многообещающее. В этом — главное ощущение от поездки.

ВАРШАВА—МОСКВА

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЬ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СЫРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.